

Чингиз Гусейнов («Триалог», 9 марта 2017)
«Коран и Мухаммед: человеческий фактор».

Человеческий фактор, или вторжение человека в Божественный текст, прямое путём вставок, косвенное через интерпретации или в иных структурных формах, характерен не только для ислама, а даёт о себе знать и в книгах иудаизма и христианства. При этом вторжение подчиняется, или вызвано социальными, политико-экономическими целями и интересами тех, кто прибегает к подобному, тут тесная взаимосвязь и взаимозависимость.

Так, ложная интерпретация составленной христианами Библии послужила к захватническим устремлениям, привела в своё время к крестовым походам, средневековым гонениям евреев, антисемитизму, а далее – холокосту, что в известной степени повторяется современным исламом, чья теория и практика террора пришли в резкое противоречие с изначально заложенными в нём, точнее, в Коране, ценностными идеями.

Мы можем бесконечно дискутировать по поводу человеческого фактора в книгах иудаизма и христианства, и от этого сегодня, во что хочется верить, никому никакого вреда, но мы не можем на современном этапе истории не бить тревогу по поводу ложных интерпретаций Корана, приводящих к насилию, крови, разрушениям, смерти.

В первой лекции я пытался в семи сюжетах Корана во имя защиты его показать включенность основного корпуса идей книги к единобожию, а тем самым – приверженность к общечеловеческим ценностям, мировой цивилизации, продемонстрировать единство его этического ядра с текстами авраамических религий.

Во второй я попытаюсь, на сей раз во имя спасения Корана, показать, как проявляется человеческий фактор в Коране, что привело его к разрыву с текстами иных единобожий и, как результат, превращению книги, ниспосланной Богом, в орудие борьбы со всем миром вообще и на святой земле в частности, где восстановилось и развивается иудейское государство.

Здесь несколько проявлений человеческого фактора.

1. Вторжение в хронологию сур, нарушение их порядка в Коране, который собирался в пору конфронтации с иудеями и частично христианами, что вызвало ряд необратимых последствий, по крайней мере, три:

во-первых, явленные позднее ритуальные и законодческие айаты, различные (по замыслу Бога) от иудейских и христианских, оттеснили ранние мекканские айаты, в которых выражалось единство Корана с книгами иудеев и христиан, к тому же из заглавия сур были убраны имена Моисея, Соломона, Давида, а также Иисуса (что подтверждается средневековыми мусульманскими исследователями);

во-вторых, внесена содержательная путаница в текст, при которой утратилась эволюция таких основополагающих понятий, как «муслим» и «неверный»: «верующий в единого Бога», к кому причислялись иудеи и христиане, стал «верующим лишь в новое единобожие», то есть сузилось

содержание «муслима», и расширилось понятие «язычник», в которое первоначально включались лишь мекканцы-идолопоклонники, а впоследствии сюда стали относить также иудеев и христиан, что вытекает из слов Самого Бога: «Сказали иудеи: «*Узайр – сын Бога!*» Сказали христиане: *Мессия* (имеется в виду Иисус) – *сын Бога!* Слова, подобные тем, которые произносят язычники!..» тем самым Коран был выведен из состава книг иудаизма и христианства¹;

в-третьих, отталкиваясь от вышеприведённого, замечу, что Бог априорно не мог не знать, что иудейский законоучитель Узайр-Эзра никогда не значился как сын Божий; более того, не без участия человеческого фактора, думается, Бог именует Себя, представляет Себя как «Аллах», хотя Бог, и тут второе априори, не мог не знать, что имя Аллах носит один из главных идолов в Каабе, и три его дочери-богини были жёнами главного идола *Хубала* (кстати, отец Мухаммеда Абдулла был назван в честь идола Аллаха, «Раб Аллаха»), а в ранних айатах Бог выступал как «Создатель», «Творец» (*Yaradan Rabbi* или просто *Rabbi*), и слово «Аллах» появилось позже с молитвенной формулой в устах Мухаммеда: *Бисмиллахи рахмани рахим*, или *Во имя Аллаха, Всемилостивого, Всемилосердного* (позднее предварила все суры Корана, за исключением 9-й, в чём тоже сказало воздействие человеческого фактора).

2. Существует, по крайней мере, три объяснения, которыми оправдывается вмешательство составителей в композицию божественной книги: дескать, такая структура Корана была установлена Самим Богом через *Джебраила-Гавриила* (это называется *tawqifiyyu*). Но если такая установка действительно существовала, то она с неизбежностью должна была запечатлеться в тексте Корана, но её нет в нём – вряд ли можно представить, чтобы посланец утаил ниспосланное ему Богом, нарушил Его наказ; второе объяснение: мол, сам пророк при жизни желал подобного расположения сур, с чем тоже нельзя согласиться, ибо Мухаммед не есть автор Корана (как это считают противники ислама, мол, Коран сочинил сам Мухаммед), а всего лишь передатчик божественных айатов и потому не вправе был вмешиваться в замысел Бога; но близко к истине третье утверждение, что это было результатом *дерзания* (*ijtiad*) сподвижников, иначе говоря, признаётся произвол составителей.

¹ Подобная точка зрения широко представлена в русскоязычном интернете, а один из лидеров мусульман современной России даже недвусмысленно заявил, что считает ислам истинной верой, «а все остальные – отменёнными». <http://www.ntv.ru/novosti/662637/#ixzz2fYKt5Z6G>. Контраст составляют высказывания Папы Римского Иоанна-Павла II, который впервые в истории христианства принёс извинения иудеям, назвав их *старшими братьями* по вере, молился в мечети в знак примирения с мусульманами, а Папа Франциск заявил: «Внутри каждого христианина сидит еврей», ежедневно молится словами псалмов Давида как еврей и совершает обряд евхаристии как христианин, а в основе любого религиозного фундаментализма лежит насилие, а насилие *во имя Бога* – абсурд. <http://3rm.info/47998-papa-rimskiy-francisk-i-zayavil-vnutri-kazhdogo-hristianina-sidit-evrey.html> Замечу, что метафора о *братьях* в той же мере может быть отнесена к мусульманам – младшим братьям иудеев и христиан.

В результате существенного изменения структуры Корана в нём проступили явные противоречия, в объяснение природы которых возникло суждение: «Последующее (суры мединские) отменяет предыдущее» (суры мекканские), а вскоре родилось суждение противоположное: «Последующее отменяется предыдущим», то есть преимущество отдаётся айатам мекканским.

Есть даже утверждения, что истинно Божественны лишь мекканские айаты, а мединские – спорны, а то и вовсе не относятся к Корану, в них отчётливо проступает человеческий фактор.

Но все вышеизложенные концепции, определяя, что в Коране истинно, а что требует разъяснений, представляются некорректными, ибо вносят оценочные характеристики в божественный текст, тем более не согласуются с высказанным Богом в Коране, что «Мы не отменяем и не велим забыть ни один ниспосланный айат, если взамен ему не являем лучший или равнозначный» (2/106). Но «лучший» и «равнозначный» следует, думается, понимать не как отменяющий, ибо Бог априорно не может противоречить Самому Себе, а как более чётко выраженный, уточняющий. Удивительно, что в одном из последних айатов Корана, точно предполагая, что впоследствии, возможно, люди зададутся целью выявить «противоречия» в Его словах, относя их наличие именно к Нему, придумают теории, вроде заявленных, не пожелают искать причины, относящиеся к вмешательству людей в Его текст, и явил нижеследующий айат в Коране: «По Бога установлению, ранее ниспосланному тем, которые были прежде, в узаконениях Божиих ты [Мухаммед] не сыщешь перемены [изменений, противоречий?!]!» (33/62)

Есть в Коране замечательная в семи айатах молитвенная сура «Фатиха», созвучная молитвам иудеев и христиан не по случайному, разумеется, совпадению, а потому, что их источник – единый Бог. Сура, явленная 50-й, помещена 1-й, и всё бы ничего, если не интерпретация её заключительных строк, они ясны, доходчивы и недвусмысленны по сути, и замыкают суру:

*«Веди нас по дороге прямой,
дороге тех, которых Ты облагодетельствовал Своей милостью,
не тех, которые под гневом Твоим, и не заблудших... –*

но гнев Бога тут расшифровывается как неприятие иудеев, которые поклонялись золотому тельцу, а под *заблудшими* имеются, де, в виду опять-таки иудеи, но и христиане тоже, не принимающие Мухаммеда как пророка и ниспосланный Коран. Однако, в мекканскую пору Мухаммед не соприкасался ни с иудеями, ни с христианами, и потому принять или не принять Коран они никак не могли, а потому объектом гнева Бога, заблудшими, *неверными* были, скорее всего, язычники-сородичи пророка, которые его преследовали, принудив бежать из Мекки. То есть с первых же интерпретаций обозначается ложная концептуальная направленность Корана, и подобная тенденциозная размытость понадобилась для разрыва с людьми Писания, иудеями и христианами, объявленными неверными.

[В этой связи знаменателен спор в интернете – резкое неприятие высказываний учёного-кораниста Т. Ибрагима, что ислам – не единственная религия, угодная Богу, о чём «дают повод думать отдельные смысловые переводы Корана», не соответствующие «ни тексту оригинала Корана, ни в целом духу Корана... По-видимому, некоторые богословы, осознавая это, делают оговорку в айатах 3:19 и 8:35. Божья угроза адресована людям, отказывающимся признать посланничество Мухаммада. Во-вторых, аят 5:69² недвусмысленно свидетельствует, что для вечного спасения Бог поставил лишь два условия: вера в Него и творение добра». Так что не только ислам гарантирует вечное спасение, а истинно верующие иудеи и христиане «спасены Божьей любовью (милостью), а значит, удостоены вечного спасения, обитания в раю». Дескать, эти суждения «противоречат Корану, хадисам Пророка, то есть Шариату» - они синонимично выстроены в один ряд].

3. Ложные интерпретации – наиболее значимый момент наличия в Коране человеческого фактора, остановлюсь на некоторых.

«Быть может, от Нас защитят их боги, коим они (язычники-мекканцы) поклоняются?. Но эти боги даже не смогут самим себе помочь!.. Дали Мы им и их праотцам пользоваться благами земными, оттянули жизненный предел им. Но разве не узреют: Мы их земли суживаем, сокращая по краям, - нет, не достанется победа им!» (21/43, 44). То есть, очевидно, что речь идёт о язычниках, и *суживание их земель* в контексте *победы над ними* – всего лишь метафора, что пространство язычества на земле будет уменьшаться. Или, если трактовать конкретно: что мекканцы-язычники не одержат верх над Мухаммедом. Но договаривается за Бога, что Он предсказывает конечную победу на земле не вообще единобожию, а именно *исламу*, сужено трактуемому, и, если это угодно Богу, то процесс расширения мирового пространства ислама, противостоящего всем *неверным*, можно действительно ускорить, приблизить, отсюда – оправдание экспансии, агрессии и насилия, начисто отбрасывающее многократно заявляемое в Коране, что «Нет принуждения в вере!» (2/256); что невозможно принуждением заставить людей уверовать (10/99).

Это вмешательство породит много-много веков спустя формулу разделения Земли на две территории. Первая – «Дар ал-Салам», «Территория мира», видимая как земли исламского единобожия, а вторая - «Дар ал-Харб», или «Территория войны», как пристанище «неверных», под коими подразумеваются все немусульмане. А цель исторического развития видится

² 3/19: «Поистине, пред Аллахом – ислам, и разошлись те, кому было даровано Писание (Коран), только после того, как пришло к ним знание, по злобе между собой. А если кто (имеются в виду язычники) не верит в знамения Аллаха, то ведь Аллах быстр в расчёте»; 8/35: «Вкусите же наказание за то, что вы не верили»; 5/69: «Поистине, те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство, и христиане, - кто уверовал в Аллаха и последний день и творил благо, - нет страха над ними, и не будут они печальны» (айаты даны в переводы И. Крачковского).

в устранении, как видно, с применением силы «территории войны» во имя превращения земного пространства в территорию «Дар ал-Салам», ислама.

4. Другая грань наличия человеческого фактора в Коране – это уравнение в значимости божественного (то есть явленного Богом в Коране) и человеческого (а это – хадисы, высказывания Мухаммеда, многократно превышающие объём Корана).

Представляется обязательным определять степень достоверности хадисов не столько цепочкой передатчиков, донесших их до нас, чему, главным образом, следуют исламоведы, а сколько их соответствием духу и букве Корана. И потому вряд ли можно принять хадисы, явно противоречащие Корану, но частые в устах воинствующих мусульман, ратующих за противопоставление ислама предшествующим единобожиям, к примеру, такие, в котором Мухаммед якобы призывал «убивать неверных», причисляя к ним и иудеев: «Убивайте их, где бы вы их ни настигли».

Впрочем, вопреки такого рода утверждениям, которые официально не отменены, есть немало хадисов, достойных пророческого сана Мухаммеда:

«Не возвращайтесь после моего ухода из жизни к неверию, убивая друг друга».

«Наступит время, когда убийца не будет знать, ради чего убивает, а убитый не будет знать, за что его убивают».

«Убийство одного верующего тяжелее Богу, чем исчезновение всего мира» (Ан-Насаи от Бурайды).

«Если два муслима вышли друг против друга, то убийца и убитый окажутся в Аду!» Его спросили: «О Посланник Бога, убийца-то понятно, а убитый хоть за что?» Мухаммед ответил: «Ведь он (убитый) тоже желал убить соперника (если остался бы жив)» (Аль-Бухари, Муслим и имам Ахмад от Абу-Бакра).

Не случайно в последнее время исламские богословы, в частности, египетские, призывают исследовать хадисы на предмет их соответствия духу и букве Корана, «очистить наследие первых веков ислама от мифов»; прояснить принципы понятия «джихад», используемого ныне как орудие борьбы против мира; «призывать людей к Богу не угрозами, а через мудрость и благодарность; сформулировать достоинства монотеистических религий (ислама, христианства, иудаизма), изменив отношения между ними, используя мечети, церкви, школы».

Подобная тенденция уравнения айатов и хадисов могло способствовать невольному или сознательному включению некоторые хадисов в коранический текст после смерти Мухаммеда, и в этой связи представляется прозорливым предупреждение Мухаммеда не записывать его высказывания вне Корана, имея, очевидно, в виду, что впоследствии они могут восприниматься как айаты.

Смешение божественного и человеческого отразилось на исламском законодательстве, шариате, многие положения в котором не от Корана,

божественного текста, а от сунн-хадисов, и если учесть, что с ними вошли в правовое поле шариата и некоторые доисламские обычаи, то становится размытой не только сама структура, но и идеи Корана.

Известны были слова Мухаммеда, он часто произносил, предупреждая: «Не записывайте за мной ничего, кроме Корана», имея в виду свои высказывания вне Корана, названные, о чём было, суннами-хадисами, и они составили впоследствии тома, многократно превышающими объём Корана.

5. Приравнение хадисов к айатам торжествует и сегодня.

В Коране сказано: «Бог ниспослал тебе Писание и мудрость» (4/113), то есть, получая откровения, Мухаммед обретал и Знания, но оговаривается за Бога, что под «мудростью» имеется в виду «Сунна», и в подтверждение приводятся слова, якобы сказанные Мухаммедом: «Я оставил среди вас две вещи, держась за которые вы не собьётесь с прямого пути: Книгу Аллаха и Сунну Его посланника!», это Мухаммед говорит о себе, что явно противоречат его запретам, о чём было, не записывать то, что говорится им, а только ниспосланное ему, то есть слова Бога.

По части хадисов есть потребность пропустить их как бы через кораническое сито, отсеять всё то, что противоречит идеям Корана как книги авраамического единобожия. То же следует проделать и с корпусом ложных интерпретаций коранических айатов, не согласующихся с единобожной сущностью ислама и питающих террор. И лишь тогда возникнет основа для постановки вопроса (что предлагалось руководством исламских организаций в России) о том, что Коран – Третий Завет Бога после Ветхого и Нового.

Нельзя при этом и не учесть, что Мухаммед, завоевав мекканско-мединскую «землю обетованную», создал государство (в Коране ничего о том, как править государством, нет), издавал законы, вёл войны и заключал мир, вершил правосудие, действовал и как политик, реагирующий, с опорой, впрочем, на посланническую миссию, на конкретные обстоятельства времени, сполна реализовал собственную действительную волю. Произошло тем самым смешение Мухаммеда-пророка, получающего Божественные повеления, отражённые в Коране, и Мухаммеда как политического и государственного деятеля с его взглядами-суждениями вне текста Корана.

Вышесказанное не охватывает, естественно, всех сторон заявленной темы, а лишь намечает её узловые моменты.

Замечу также, что я не единственный, который критически настроен по отношению к теории и практики нынешнего ислама, противоречащих духу Корана. Но я, в отличие от других, ставлю все точки над *i*, выговариваю проблему до конца, преследуя конкретную цель:

высвободить Коран, очистить его от присутствия человеческого фактора с тем, чтобы истинная книга Бога стала действенным средством, или орудием борьбы против любых проявлений экстремизма, террора, творимого сегодня именем ислама.

